

Алексей
Слаповский

ХРОНИКА № 13

Алексей Иванович Слаповский

Хроника № 13 (сборник)

Серия «Самое время!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880373

Слаповский А. Хроника № 13 : Издательство «Время»; Москва; 2014

ISBN 978-5-9691-1229-2

Аннотация

Здесь должна быть аннотация. Но ее не будет. Обычно аннотации пишут издательства, беззастенчиво превознося автора, или сам автор, стеснительно и косноязычно намекая на уникальность своего творения. Надоело, дорогие читатели, сами решайте, читать или нет. Без рекламы. Скажу только, что каждый может найти в этой книге что-то свое – свои истории, мысли и фантазии, свои любимые жанры плюс тот жанр, который я придумал и назвал «стослов» – потому что в тексте именно сто слов. Кто не верит, пусть посчитает слова вот здесь, их тоже сто. И, если я в этом не обманываю, значит, не обманываю во всем остальном.

Содержание

От автора	8
Сценарий	9
1	10
2	11
3	13
4	15
5	16
6	17
7	19
8	20
9	21
10	22
11	23
12	25
13	26
14	27
15	28
16	33
17	34
18	36
19	37
20	38
21	39

22	40
23	41
24	42
25	43
26	44
27	45
28	46
29	47
30	48
31	49
32	50
33	51
34	52
35	53
36	54
37	55
38	56
39	57
40	58
41	59
42	60
43	61
44	64
45	65
46	66
47	67

48	69
49	70
50	71
51	72
52	73
53	74
54	76
55	77
56	78
57	80
58	81
59	82
60	83
61	84
62	85
63	87
64	89
65	90
66	91
67	92
68	94
69	95
70	99
71	100
72	101
73	105

74	106
75	109
76	110
77	112
78	113
79	114
80	116
81	118
82	120
83	121
84	122
85	123
86	124
87	126
88	130
89	135
90	136
91	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Алексей Слаповский

Хроника № 13 (сборник)

© Алексей Слаповский, 2014

© «Время», 2014

От автора

Меня всегда смущало, что тексты, написанные в одно время, разбросаны по разным журналам, книгам, сценам и экранам. Получается, как в притче про слона: кто-то щупает хобот, кто-то ухо, кто-то и вовсе хвост, а слон-то один.

На самом деле, что бы я ни писал – романы, рассказы, сценарии и даже стихи (прозаические), это все хроника моей и общей жизни. В ней интересна цельность – хотя бы в пределах года или двух-трех.

И вот родилась идея этой книги, прожитой недавно, только что – надеюсь, не так, как прожиты были книги предыдущие. Здесь все, вернее – самое важное из всего. По крайней мере, мне оно кажется важным.

Сценарий

Сценарий

1

Молодая, красивая, дорогая женщина Нина едет на молодом, красивом, дорогом автомобиле. Район панельных пятиэтажек. Во дворе играют таджикские дети, гоня мяч на чахлой траве. Трое бомжей в песочнице пьют пиво из большой пластиковой бутылки, чистоплотно обтирая горлышко ладонью перед тем, как передать другому.

Нина выходит из машины, идет к подъезду.

– Не заблудилась, красавица? – кричит один из бомжей.

Кричит не охально, не грубо, даже с некоторой куртуазностью. Тяжкая жизнь научила его, что с людьми лучше общаться вежливо – это безопасней и выгодней.

Нина, оглянувшись и улыбнувшись, набирает номер квартиры.

Слышится женский голос:

– Да?

– Это я, – отвечает Нина.

Зуммер.

Нина открывает дверь, входит в подъезд.

2

В лифте лежит мужчина. Лицом вниз. Куртка-ветровка защитного цвета, мятые штаны, всклокоченные волосы. Двери лифта закрываются, натываются на ноги мужчины, открываются, опять закрываются, опять открываются, опять закрываются, опять открываются. Посмотрев на это, Нина решает подняться пешком. Но, сделав несколько шагов, останавливается. Оборачивается, смотрит. Двери закрываются и открываются. Мужчина недвижим. Только ноги при сдавливании их створками безжизненно шевелятся, как у большой тряпичной куклы. Нина подходит к лифту.

– Эй, вы живой? – спрашивает она. – Эй!

Она наклоняется, протягивает руку. Но брезгливо морщится, не решаясь коснуться лежащего. Трогает его ногу носком туфли.

– Вы живой там?

Мужчина мычит.

– Вам плохо? Может, «скорую» вызвать? Слышите меня?

Мужчина шевелится. Поднимает голову. Медленно, очень медленно садится. Ноги остаются в двери, их по-прежнему сдавливает створками. Он смотрит на это и пытается понять, что происходит.

– Вы уж или туда, или сюда, – говорит Нина.

– Помогите, – слабым голосом говорит мужчина. – Мне

на пятый.

Он подтягивает одну ногу, потом вторую. Нина входит в лифт.

3

На пятом этаже мужчина выходит из лифта, держась за стенки. Кренился и, чтобы не упасть, цепляется за плечо Нины.

– Э, э, без рук! – противится она, но мужчина держится крепко.

Ей приходится довести его до квартиры. Он шарит по карманам куртки.

– Где-то был... Будьте так любезны... – бормочет он.

– Что?

– Где-то был... Ключ... Давайте поищем...

Нина, отвернув лицо, лезет рукой в его карман, как в банку с пауками. Достает кучу всякой дряни: конфеты, бумажки, денежная мелочь. Находит в этом мусоре ключ, отпирает дверь. Мужчина валится в прихожую, тащит при этом за собой Нину. Еле удержавшись от падения, она отрывает от себя его руку.

– Все, приехали! Есть кто дома, встречайте!

Но никто не встречает, кроме маленького кудлатого песика. Тот радостно виляет хвостом, лижет лицо упавшего хозяина. Мужчина собирается с силами, садится на пол, опираясь спиной о стену. Шарит в карманах куртки, достает плоскую бутылку, отвинчивает пробку, прикладывается к ней. Делает несколько глотков. Ему становится лучше.

– Ай-м сори, – говорит он. – Простите, что затруднил вас.

Вы ангел. Но добро не бывает безнаказанным, вы это знаете?

– И чем хотите меня наказать?

– Выгуляйте моего Мотю. Хотя бы минут пять-десять. Он не может ничего делать дома. Так воспитан. У него мочевого пузыря лопнет, но он будет терпеть. Пожалейте собаку.

В это время звонит телефон Нины, она берет трубку.

– Да, я здесь. Скоро буду. Ничего такого, потом расскажу.

А мужчина уже снял со стены поводок с ошейником. Песик Мотя аж закрутился от восторга, подставил шею, мужчина надел ошейник, протянул поводок Нине.

– Плиз! Будьте ангелом до конца!

4

Нина гуляет во дворе с Мотей. Держит поводок на отлете. Мотя остановился у заборчика, поднял ногу.

5

А в окно смотрит подруга Нины – Катя. Женщина около тридцати лет с невзрачным лицом, горло закутано, она покашливает. Очень удивлена, видя Нину. Говорит с ней по телефону.

– Это ты с кем?

– С Мотей, – отвечает Нина.

6

Нина у Кати. Достает из сумочки лекарства.

– Вот. Лечись.

– Спасибо. Я бы и сама... Ты ангел.

– Второй раз сегодня слышу. Никакой я не ангел, просто все равно собиралась к тебе приехать. У тебя Моэм был на английском. «Луна и грош». Захотелось перечитать. В интернете есть, но хочу бумажную книжку.

– Понимаю. Ты про собачку объяснишь? У моего соседа сверху такая.

– Она и есть. Попросил выгулять.

– С какой стати?

– Упал в лифте, обессилел. Алкоголик, наверно.

– Нет, он из приличных. Инженер или даже какой-то ученый. Интеллигент, короче. Жена с ним развелась, отобрала все имущество и квартиру, а эта – его мамы покойной. Как вселился, так и пьет с горя. Допьется – сдохнет. Будет труп лежать и вонять. А потом еще протечет на меня, бррр! – Катя передергивает плечами.

– А ты бы спасла человека по-соседски.

– Ага. Кто меня бы спас!

– Кать, ты все равно одна, вдруг он хороший человек?

– Хороших жены не бросают! Я по-твоему такая конченная, что, кроме алкоголика, никого уже не найду? Да мне по

интернету такие красавцы пишут! Просто я очень разборчивая, у меня завышенные требования, а эти козлы сами не знают, чего хотят! Отсюда и проблемы.

И Катя вздыхает, жалея себя и тех козлов, которые не знают, чего хотят.

7

Нина садится в машину, кладет на сиденье том Моэма.
Машина отъезжает.

8

Загородный красивый дом. Летний вечер.

В стильной столовой ужинают Нина, ее муж Иннокентий, мужчина лет сорока пяти, их сын Платон шести лет и горничная, она же воспитательница Платона, Ирина Павловна, женщина лет сорока со строгим учительским лицом. На стол подает добродушная и пожилая тетя Таня. Иннокентий ест и работает: тычет в планшет, что-то просматривает. Рассеянно спрашивает Нину:

– Куда-то ездила сегодня?

– Да так...

Пауза. Молча едят.

– А у тебя как день? – спрашивает Нина.

– Нормально.

9

Поздний вечер, спальня. Иннокентий в постели продолжает работать.

Нина в ванной. Процедуры, очистка лица, кремы, мази.

Выходит. Иннокентий спит, уронив планшет на живот.

Нина берет планшет, кладет на столик. Гасит свет.

10

Утро.

Семья завтракает.

Завтрак похож на ужин – так же сидят, едят, молчат.

Иннокентий готов к отъезду на работу.

Нина целует его в щеку.

– Когда вернешься?

– Как обычно.

Нина смотрит в окно, как отъезжает муж. Звонок телефона. Она берет трубку. Слушает. Говорит:

– При чем тут я? Ну и что? Бред какой-то! Ладно, приеду.

Нина приехала к мужчине с собачкой. (Его зовут Юлий. Юлий Петрович. Около сорока лет.)

Нину встречает Катя. Жалуется.

– Послушала тебя, зашла проведать, а он чудит! Узнал, что я твоя подруга, кричит: зови этого ангела, иначе я буду пить до смерти! Вчера ему плохо было, я «скорую» вызвала, так он врачей прогнал!

Увидев Нину, Юлий, лежавший на диване, вскакивает, кричит радостно лающему Моте:

– Молчать!

И торжественно обращается к Нине.

– Нина! Вы мне нужны. Не пугайтесь, я ничего от вас не потребую. С собачкой Катя сходила, спасибо. Нина! Мне надо бросить пить. Я устал. Но мне нужна причина. Для чего бросить? Для себя? Я для себя ничего не хочу. А вот для вас – хочу. И могу. Скажите: Юлий! Меня так зовут. Юлий Петрович, если угодно. Скажите: Юлий, брось пить! И я брошу.

Катя пожимает плечами: ну и просьба!

А Нина, усмехнувшись, говорит:

– Юлий, брось пить!

– Все. Бросил! – говорит Юлий.

Нина видит начатую бутылку возле дивана.

Юлий, проследив направление взгляда, неверными шага-

ми идет к бутылке, поднимает ее двумя пальцами, как нашкодившую кошку, отправляется на кухню и там выливает в раковину. Но после этого хватается за сердце и прислоняется к стене.

12

Через некоторое время Нина и Катя сидят в кухне и пьют чай. На столе разномастная посуда. Все вообще старое, из чьей-то прожитой жизни.

Входит врач «скорой помощи».

– Теперь он будет спать. Потом дадите ему вот это.

Он кладет на стол таблетки и листок бумаги.

– Тут все расписано.

И уходит.

– А кто давать будет? – спрашивает Катя.

– Ты, кто же еще.

– Нет уж! Мне себя в порядок надо привести, я в салон записалась на три часа, а вечером у меня свидание!

– Очередной миллионер в пересчете на белорусские деньги?

– Не миллионер, но очень приличный мужчина. В общем, ради тебя он бросил пить, вот и отвечай теперь за него!

Медленно тянется день. Юлий спит на диване. Нина включает без звука телевизор. Потом осматривает содержимое старого книжного шкафа. Достает книгу, садится в кресло, читает. Какие-то звуки. Юлия тошнит.

Нина одной рукой прижимает к лицу бумажный носовой платок, другой возит тряпкой у дивана. Макает тряпку в тазик с водой. И опять трет. Потом долго моет в ванной руки.

Вечер. Юлий просыпается.

Нина подает ему таблетки и стакан воды. Юлий глотает таблетки и жадно пьет воду.

И опять засыпает.

Нина сидит, читает. Смотрит на часы. Прислушивается к дыханию Юлия.

Берет ручку, листок бумаги, пишет номер телефона. Подумав, добавляет: «Нина». Оставляет листок на стуле возле дивана вместе с таблетками и стаканом воды.

Уходит.

Она возвращается домой, когда Иннокентий, Платон и Ирина Павловна заканчивают ужин. Платон вскакивает, бежит к матери.

– Мама! Ты где была?

– В самом деле? – интересуется Иннокентий без особого интереса.

– Да так. У подруги.

– У Веры?

– У Кати.

– Как она?

– Нормально. Умерла.

– Бывает.

Нина поднимается по лестнице на второй этаж. До Иннокентия доходит.

– Ты серьезно?

– Да нет. Шутки у меня такие.

Нина в ванной обнюхивает себя, стаскивает одежду, бросает в ящик для стирки.

Стоит под душем.

Камера показывает ее лицо, потом шею, плечи, потом...

Пачка листков звучно падает на стол.

Бросивший их генеральный продюсер компании по производству сериалов «Радуга-продакшн» Альберт Григорьевич Савчук, мужчина пятидесяти пяти лет, повадками демократ, на деле диктатор, выносит приговор:

– Гениально, Саша, как всегда. Но не то.

В кабинете Савчука за длинным переговорным столом, стоящим отдельно от начальственного, – тридцатилетний сценарист Саша Огольцов с печальным лицом, креативный продюсер Виктор Мелецкий, тридцать пять лет, энергичен, пылок, горяч, и редактор Лика Влажнова, высокая девушка с высокой грудью и высоким мнением о себе, лет двадцати семи.

Обсуждаются первые эпизоды сценария, который пишет Огольцов.

– Что не то, Альберт Григорьевич? – терпеливо спрашивает Саша.

– Во-первых, героиня. Молодая, красивая, замужем за богатым мужем. Это понятно. Остальное непонятно. Какие отношения с мужем?

– Плохие.

– Где это видно? Покажи! – Савчук ворошит листки, вглядываясь и ища следы плохих отношений героини с мужем.

– Ну, они молчат, не разговаривают.

– И что?

– Вот именно! – подхватывает Мелецкий. – Молчать и думать, Саша, они могут в литературе, а в кино должно быть все видно! И причины, Саша, мотивация! Почему плохие отношения? Кто он? Кто она? Что случилось? К примеру, – не дожидаясь ответа, начинает вдохновенно креативничать Мелецкий, – он приезжает всегда поздно, весь в работе, занят, делает деньги, секса нет, внимания к жене нет! Это зритель сразу поймет, причем любой!

– Мне кажется, если отчуждение, это и молчанием можно показать.

– Саша! – соболезнующее, будто у постели тяжело недужного и при этом не желающего выздоравливать, восклицает Мелецкий. – То, что я предлагаю, еще раз скажу, поймет каждый, а если они будут просто молчать, догадаются далеко не все! Нам нужна крепкая защита от дурака – в каждом кадре, в каждом слове!

– Значит ли это, – чуть напрягшимся голосом спрашивает Саша, – что я должен писать для дураков?

– Уел, Александр! – иронично хвалит Огольцова Савчук. – Убил насмерть, сразил наповал! Не для дураков, а для нормальных простых зрителей! Которые хотят отдохнуть, получить удовольствие, увидеть жизненную, драматическую и поучительную историю! Виктор прав – изобразительность во всем! Плохие отношения – показывать. Почему

плохие – показывать.

– Вот именно! – вторит Мелецкий. – С лифтом у тебя великолепно ведь получилось! Жаль – не пойдет.

– Почему?

– Саша, восемьдесят процентов нашей аудитории – женщины. Если герой алкоголик, валяющийся в лифте, – всё, они смотреть не будут, переключатся.

– Может, просто больной? – не перечит Саша, предлагая сразу другой вариант.

– Тоже плохо, – возражает Савчук. – На больных смотреть – какое удовольствие? Ты же все придумал, зачем ты идешь против своего замысла? Что у нас в заявке? – обращается Савчук к Лике.

Лика открывает в своем ноутбуке файл, читает:

– Герой – честный, порядочный человек, которому изменила жена. Он оставил ей все, живет в квартире покойной матери, тоскует. Героиня помогает ему обрести себя. Полюбив ее, он возрождается, становится активным. Он в каком-то смысле творение ее рук. Но предательница-подруга, придя на готовенькое, делает так, чтобы он остался у нее на ночь. Героиня страшно разочарована. Но потом недоразумение разъясняется, он раскаивается в своей ошибке, возвращает любовь Нины...

– Вот! Все ведь ясно! – разводит руками Савчук. – А в реализации – туман. Кто он такой? Инженер не годится, кому сейчас нужны инженеры? Научный деятель – тоже не то.

Какой-нибудь бизнес. Но благородный.

– Пусть книжки издает, – предлагает Мелецкий. – Директор небольшого, но крепкого издательства. И интеллигентно, и все-таки бизнес.

– Можно, – кивает Савчук. – А главное – чтобы было видно, за что она его полюбила! Ты сам-то понимаешь, что у тебя вышло? В лифте валяется, пьет, собачку нет сил выгулять – красавец!

– И она должна быть резче, – вставляет Мелецкий. – Гламурная высокомерная стерва, презирающая бедных. Чтобы к финалу было яснее, что она преобразилась. А то сразу ангел, преобразаться нечему! Она, видите ли, бомжам улыбается! Не верю, Саша!

– Она человеческая женщина, – Саша пытается защитить героиню, к тому же, ему нравится эта деталь – добрая улыбка незнакомым людям. Сразу виден характер, они же сами всегда твердят, что характер должен быть предъявлен в первых кадрах!

– Неправдоподобно! – категоричен Савчук. – И зачем таджикские дети? Зачем лишняя социалка?

– И бомжи с пивом ни к чему, – добавляет Мелецкий. – Сплошной негатив.

– Точно. Наши зрители, может, сами живут в хрущевках, но видеть хотят благоустроенные дворы и нормальных людей в нормальных квартирах. Подруга Катя, кстати, должна быть тоже симпатичная, зрители некрасивых не любят, про-

сто одинокая, – разъясняет Савчук.

– Разговоров про труп не надо! – добавляет Мелецкий.

Так они и продолжают попеременно, но мы уже не слышим, словно выключили звук.

Мы слышим голос Огольцова. Внутренний голос.

– Иногда я их ненавижу – при том, что они, в принципе, не злодеи, вполне обычные производители жидкого телевизионного мыла. Они даже гордятся тем, что делают не просто мыло, а мыло высокого качества. Их можно понять, всякому хочется уважать то, чем он занят. Зато у них всегда можно получить работу, и они в хороших отношениях с крупными телеканалами, это гарантирует оплату труда. А мне нужны деньги. На жизнь, на еду, на одежду, на бензин и, самое главное, на выплату кредита за квартиру. Это мой ужас, это дамоклов меч, как выражается мама моей жены Вари, то есть дамоклов меч, который висит над моей головой и будет висеть еще десять лет, хотя Варя утешает, что я сумею расплатиться раньше. И зачем я в это ввязался?!

Варя и Саша собирают вещи, съезжая со съемной квартиры.

– Что-то ты какой-то невеселый! – замечает бодрая Варя.

– Мне тут нравилось. Деревья за окном.

– Ты опупел, любимый? Два года по чужим квартирах шляемся, не надоело? Ты хочешь ребенка?

– Да. Очень.

– И я хочу. Но в съемную квартиру я тебе рожать не буду! Саша, мы с тобой оба перемещенные лица, неужели тебе не хотелось, чтобы было свое жилье? И оно уже есть! Мы уже полноправные москвичи! Мы и так выбрали самый дешевый вариант.

– Двести тысяч долларов.

– Это даром для двушки в том районе! Всего шесть тысяч за метр! Ты сколько за серию получаешь?

– Не знаешь, что ли? Как раз шесть тысяч. Я не в топовом списке. Есть, кто восемь и даже десять.

– И шесть – хорошо! Легко считать: тридцать семь метров – тридцать семь серий! Серия – квадратный метр! – она очерчивает в воздухе руками квадрат. – А в общем всего три сериала по двенадцать серий. Даже если в год по одному сериалу, за три года рассчитаешься!

– Хорошо считаешь, быстро. А жить на что?

– Я тоже буду работать, когда курсы закончу.

Голос Саши:

– Варя учится на дизайнера. Вообще-то она художник, Строгановка за плечами, у нее даже был целый зал на выставке молодых художников.

19

В кадре: пустой зал, где висят картины Вари. Варя одиноко сидит на скамье. В зал входит Саша. Смотрит. На картины. На девушку.

– Не знаете, кто автор? – спрашивает Саша.

Варя встает, подходит.

– Вам нравится?

Саша смотрит на нее и уверенно отвечает:

– Да. Очень.

И тут же: поздний вечер в этом же зале. По-прежнему никого. А Варя и Саша стоят в углу и целуются.

Голос Саши:

– Варя пыталась пробиться, пыталась продавать свои работы. Но публика не оценила. Как сказал один галерист: для попсы у вас все слишком сложно, а для эстетов слишком просто.

В кадре: Варя стоит в подземном переходе у ЦДХ. Там у художников закутки, отсеки, а Варя повесила картины просто на стенку. Покупатели обращают внимание на кучерявые пейзажи, стремительные парусники среди бурлящих волн, невероятно красивых обнаженных девушек, творения же Вари не вызывают ажиотажа. Мало того, подходят двое крепких мужчин из местной художнической мафии, требуют, чтобы Варя удалилась, срывают ее картины, вешают свои кучерявые пейзажи и стремительные парусники, своих невероятных красавиц.

Голос Саши:

– Она пошла на курсы дизайна. Недешевые. Зато педагог обещает заказы только от крутых клиентов.

В кадре: педагог у огромной фотографии – интерьер особняка. Это Трофим Ефимов – осанистый мужчина-подстарок с томным утомлением во все еще не сытых глазах. Перед ним курсисты: Варя, мужчина средних лет прорабского вида, интеллигентная старушка, молодой человек с ироничным взглядом, который что-то шепчет Варе, но она отодвигается от него, поглощенная лекцией.

И опять мы в съемной покидаемой квартире. Варя огорчена.

– Хорошо, я брошу курсы, устроюсь на работу, ты этого хочешь?

– Нет.

– Саша, мы сумеем! Я ведь по максимуму считаю, на самом деле ты же серию можешь за три дня написать!

– Ага. А потом ее три месяца обсуждают и я три месяца ее переделываю.

– Ладно. Аннулируем ипотеку, возвращаем квартиру. Я не хочу, чтобы ты мучился.

– Перестань. Одолеем. Но ты варвар, Варвара.

– А ты гений!

И Варя целует Сашу. Очень нежно.

Саша с трудом возвращается в реальность.

– Кстати, название. Другого нет? «Ошибка»? – спрашивает Савчук.

– Да.

– Лучше – «Ошибка Нины», – предлагает Мелецкий. – Женское имя в названии гарантирует интерес женской аудитории.

– Можно, – кивает Саша. Он на все согласен, лишь бы кончилось это мучение.

– Тогда работаем дальше, – произносит Савчук долгожданные слова.

И Саша готов уже встать, но тут Савчук вспоминает, что не дал высказаться Лике.

– У тебя есть вопросы?

Саша хмуро смотрит на Лику.

Та ровным и спокойным голосом добивает его:

– Неувязки смущают. В пятиэтажках такого типа нет лифта. Они вообще мало где в пятиэтажках есть.

В кадре: район пятиэтажек исчезает, на его месте возникает многоэтажная махина.

– Собаку, – продолжает Лика, – лучше сделать породистой. Тогда нам фирма «Мосфильм-Кинология» обеспечит кастинг нормальный. В смысле профессиональную собаку, дрессированную.

В кадре: вместо беспородного песика появляется доберман с благородной осанкой.

– У Нины, – продолжает Лика, – лучше будет дочь, а не сын. Лет двенадцать. Симпатичная такая Лолита. Среди зрителей большой процент тайных педофилов, пусть порадуются.

Мелецкий щелкает языком от удовольствия – ему нравится предложение Лики.

30

В кадре: сынок Платон, невинно сидящий, болтающий ножками, испаряется. На его месте двенадцатилетняя кокетливая симпатуля.

– А когда Нина ее родила? – сомневается Савчук. – В четырнадцать, что ли?

В кадре: у роддома стоит девочка с ребенком на руках.

– Я об этом отдельно хотела сказать, – отвечает Лика. – Героине не двадцать семь, как предлагает Саша, а все-таки лет тридцать пять. Учитывая возраст аудитории.

– Согласен, – кивает Савчук.

В кадре: Нина на глазах старится. То есть взрослеет. То есть мужает. То есть – как сказать? – женственеет? Бабится? Становится старше.

– Далее, – продолжает Лика. – Имя Юлий слишком вычурное. Далее. Алкоголик или больной, присоединяюсь, это не наш вариант. Просто временно опустил руки.

В кадре: Юлий в четком костюме с галстуком стоит, временно опустив руки.

– Далее. Основная проблема: непонятно, за что им любить друг друга. Нужен какой-то его поступок. Что-то осязаемое и видимое.

Голос Саши:

– Когда-нибудь я ее убью. Она редактор не по должности, а по призванию, обожает править и резать. Я думаю, она даже свои отношения с Савчуком, а они точно есть, тоже редактирует.

Савчук и Лика в постели. Савчук старается, Лика говорит ровным голосом:

– Целовать девушку, Альберт Григорьевич, лучше, начиная с губ, а не с груди. Дышите вы неправильно: больше страсти, меньше сопения. Двигаетесь механически, надо разнообразить ритм. Кстати, в любви признаться не помешало бы.

40

Тишина. Савчук, Мелецкий и Лика смотрят на Сашу.

– Есть возражения? – спрашивает Савчук.

– Нет, – отвечает Саша.

Саша едет домой на своей дешевой подержанной машине.
Он хмур и уныл.
Стоит в пробке.

В супермаркете берет бутылку виски. Подумав, берет еще одну, маленькую. И кое-что из еды.

Он входит в квартиру. Ту самую двушку, что куплена в кредит.

Здесь идет ремонт.

Двое рабочих сидят и курят. При появлении Саши не спеша встали, взялись за работу.

Саша проходит в маленькую комнатку, где все уже сделано, но слишком много вещей.

Потом пробирается на кухню. Говорит рабочим со стеснительной строгостью:

– Я вообще-то просил не курить в квартире.

– Это пока не квартира, хозяин, а полуфабрикат!

Саша устроился в комнатке с выпивкой и закуской. Но тут появляется Варя. Видит, что Саша угощается, и понимает по-своему.

– Что, приняли?

– Нет.

– Тогда с какой стати?

Саша выпивает рюмку и говорит:

– Скажи, за что ты меня любишь?

– Вот и я думаю, за что?

– Садись, два! А я тебя за что люблю?

– Действительно, за что?

– Я сам не знаю. И это неправильно. Придется нашу жизнь

переписать заново!

Варя берет бутылку и ставит ее в шкаф.

– Хватит сидеть и страдать! Поедем со мной, сегодня у нас небольшой корпоративчик. Первая группа выпустилась и получила дипломы.

– Мне некогда. Надо работать.

– Саша, так нельзя! Надо радоваться жизни, а ты все время какой-то напряженный. Ефимов наш, между прочим, не только дизайну учит, а еще психологии общения с клиентами. Спокойствие и уверенность, уверенность и спокойствие. И улыбка.

– А где клиенты, не вижу?

– С людьми вообще! Поехали, развеешься хоть немного!

– Я страшно весел. Разве незаметно?

– Не очень.

– Переписать! Всем должно быть видно. Что весел. И почему весел. Веселье без причины – признак дурачины. Чревато неполучением гонорара.

– Что, не хотят платить?

– Пока не сдам первую серию – ни копейки. А через неделю выплата кредита.

– Ну, еще целая неделя, ты успеешь! – бодро говорит Варя. – Поехали!

– Если я поеду, то не успею!

– Капризный ты стал, – упрекает Варя.

– По правилам ты должна на меня страшно обидеться и

с кем-нибудь из-за этого переспать. Тогда будет драма. Все видно.

– Дурак ты.

И Варя, действительно обидевшись, хлопает дверью.

Саша достает бутылку. Смотрит на нее. И ставит обратно.

Открывает ноутбук.

Начинает стучать по клавиатуре.

Нина в строгом изысканном костюме подъезжает к многоэтажному дому. Русские дети во дворе играют в шахматы. Два бодрых пенсионера азартно режутся в пинг-понг. Три бабушки сидят на лавочке с томиками Чехова в руках.

Нина в подъезде. Идет к лифтам. Вслед за нею – невесть откуда взявшийся тип подозрительного вида. Он входит в лифт вместе с Ниной.

В лифте он со странной улыбочкой посматривает на Нину, а потом нажимает на кнопку аварийной остановки и достает нож.

– Гони деньги и брильянты – останешься жива! – говорит он добродушно.

– Я высокомерно и презрительно игнорирую тебя, криминальный ублюдок без следов не только высшего, но даже и среднего образования в глазах!

– Ты игнорируй, а деньги гони! – требует тип, слегка озадаченный, но упрямый.

– Оставь меня в покое, урод!

Юрий, высокий и приятный мужчина около сорока лет, стоит и ждет лифта. Видно, что он грустит о чем-то. Прислушивается. Женский громкий голос его встревожил. Он бежит вниз. Быстро, но элегантно.

Слышит за дверьми лифтовой шахты:

– Не трогай меня, я сказала!

Юрий мощным рывком раскрывает двери. Видит лифт, остановившийся почти на уровне этажа, немного недоехав. Раскрывает еще одним рывком двери лифта. Как раз вовремя: тип вознамерился порезать ножом лицо Нины. Юрий выставляет ладонь, нож вонзается в нее. Юрий двумя ударами укладывает типа на пол, выводит Нину, потом выволакивает типа, отправляет лифт вверх нажатием кнопки, еще раз открывает дверцы лифтовой шахты и спихивает туда тело грабителя. Ждет. Услышав веский шмяк (с таким звуком падает что-нибудь тяжелое в мусоропровод), кивает головою, одобряя. А Нина видит его руку, всю в крови.

– Из-за меня вы сильно пострадали!

– Да пустяки. До свадьбы заживет.

– Вы разве не женаты?

– Был. Но это

история печальная, увы.

– Вы побледнели от потери крови!

– Скорей от горя. Но перевязать
меня, конечно, полагаю, нужно.

Они в квартиру входят. Небольшая —
Примерно метров где-то полтораста,
Но все просторно, чисто и светло.

Вот Нина перевязывает руку.
И тут звонок. Ее подруга Катя
Обеспокоилась задержкой.

— Где ты? —

Она тревожно спрашивает Нину.

— Я скоро буду, подожди чуть-чуть.

Тем временем, за голову держась,
Садится Юрий в кресло, а к нему
Породистый красивый доберман
Воспитанно приластился, при этом

Он мелодично, но нетерпеливо
Поскуливал. И Юрий попросил:

— Не знаю, как зовут вас?

— Просто — Нина.

— Знакомы будем, Юрий. Очень рад.

Вы не могли бы, Нина, оказать,
Услугу небольшую мне и Маку?

Он у меня до ужаса застенчив,
И никогда такого не бывало,

Чтоб он в квартире, так сказать... нассал.

Саша пишет и хохочет. Хохоchet и пишет. Ударяет по клавишам так, будто мстит им за что-то.

Но вдруг застывает. Остывает. Читает, что написал. Кривится.

И решает все-таки выпить.

Он пьет, закусывает, перечитывает.

И опять начинает писать.

Нина в супружеской спальне. Она зажигает свечи, надевает полупрозрачный пеньюар, включает тихую лиричную музыку. Ждет.

За дверью грохот и ругательства.

Вваливается пьяный муж.

– Лампочку поменять могла электрика вызвать? – бурчит он. – Я ё... – пи-пи-пи– ...нулся в коридоре! Ни хера не делаешь все равно! Чё смотришь, как солдат на блошь? То есть блоху. То есть вошь. Ха! Хм. Блоха и вошь – блошь. Кто придумал? Я. Я умница! Короче, в банке, где я работаю заместителем управляющего и гребу офигенные бабки, злоупотребляя и жульничая, был маленький сабантуй. Отмечали успех хитроумной махинации, которую мы провернули с обманутыми вкладчиками. Это что за иллюминация?

– Сегодня годовщина нашей свадьбы, – грустно говорит Нина. – Хотела провести ее с тобой. Но, вижу, для тебя твои делишки, твое бабло важнее, чем жена!

– Мое бабло – оно твое же, дура! И вообще, мне на тебя плевать!

Иннокентий действительно размахивается всем телом и плюет на Нину.

А Саша прекращает работу. И плюет в монитор. Он уже сильно пьян.

Слова в мониторе превращаются в лица. Лица персонажей. Саша плюет в них и кричит:

– Попал! В глаз тебе! В нос тебе! В лоб! Ура!

Вернувшись поздно ночью, Варя видит Сашу спящим возле стола на полу. Она тормозит его, раздевает, тащит к постели. Саша валится, что-то мычит.

Через некоторое время Варя тоже ложится. Смотрит в потолок.

Звонит ее телефон. Варя смотрит на дисплей. Протягивает руку. Медлит. Отключает телефон.

По щеке скатывается слеза.

Саша во сне поворачивается, обнимает ее.

Варю от густого пьяного дыхания покорило, она сбрасывает Сашину руку и, взяв ладонью за лицо, отворачивает его голову.

Саша в кабинете Савчука.

– Не понял? – удивлен Савчук.

– Ну, я как-то охладел к этой истории, – запинаясь, объясняет Саша. – Знаете, эта бесконечная любовь меня как-то... У меня есть другой сюжет, я вкратце расскажу, хотите?

Савчук явно не хочет, но Саша уже торопливо рассказывает.

– Я давно это придумал, еще когда учился. Называется – «Безмолвие». Это, правда, скорее кино, чем сериал, но вы же сами говорили, что хотите сделать кино и ищете историю. Значит, в центре семья глухонемых.

– Нет.

– Что?

– Семья глухонемых – сразу нет.

– Альберт Григорьевич, вы зря пугаетесь, это не арт-хаус какой-то, вполне понятная история! С интригой!

– Верю. Вот закончим сериал – и обсудим. Напоминаю, Александр Николаевич, канал принял заявку. Вашу заявку. Восемь серий о любви, рабочее название «Ошибка». Или «Ошибка Нины», это лучше, в самом деле. Они ждут первую серию. И только после этого заключат с нами договор о производстве. Такие вот они теперь драконы. Если мы через две недели не предъявим серию, то не попадаем в сезон, это ведь

летом надо снимать. И они договор заключать не будут. Две недели, Саша. А потом целых два месяца на остальные семь серий! Отличная, оригинальная история, что тебя смущает?

– Да как сказать... Что-то тут не мое.

– Все твое. Все ваше, Александр Николаевич, вы у меня лучший диалогист и мастер психологических нюансов! Ближайшие на здоровье!

– Хорошо... А нельзя авансом не очень большую сумму?

– Саша, нет договора – нет денег. Свои средства у нас все в деле. Я собственные деньги в два проекта доложил, в долги влез, сам у тебя попросить хотел!

– Извините... Понимаю...

Саша дома. В кухне. Плита закрыта полиэтиленом от пыли. Он поднимает, осматривает кастрюли. Потом заглядывает в холодильник. Звонит Варе. Говорит сердито, но негромко – он вообще не умеет повышать голос.

– Послушай, я впахиваю с утра до вечера. Завтракаю бутербродами, ладно. Ужинаю тоже. Но на обед я хотя бы могу рассчитывать? У тебя занятия три раза в неделю...

Варя перебивает его, что-то говорит.

– Ладно, – отвечает Саша. – Когда будешь?

Взяв тарелку с бутербродами и кружку кофе, он усаживается за стол работать.

Стук в дверь, в комнату заглядывает ремонтник.

– Хозяин, мы штробить будем сейчас!

– И что?

– Ничего, предупреждаю: шумно будет.

– Вытерплю.

– Хорошая у тебя работа – сиди, пиши!

– Да.

За стеной страшный шум: долбят стену, штробят – выдалбливают в бетоне канавки для проводов.

Саша работает.

На мониторе крупно:

СЦЕНА 27. ИНТЕРЬЕР. КАФЕ. ДЕНЬ.

Юрий и Нина сидят в кафе. Юрий посматривает на Нину, помешивая ложечкой кофе.

(Машинально и Саша помешивает кофе.)

Поверх изображения появляется надпись:

ЮРИЙ

(робко)

Нина...

Юрий робко говорит:

– Нина...

Слово «робко» стирается. Пишется слово «нерешительно».

Юрий нерешительно говорит:

– Нина...

Слово «нерешительно» стирается. Пишется: «улыбаясь, с наигранной смелостью».

Юрий говорит, улыбаясь, с наигранной смелостью:

– Нина...

– Да?

– Я мог бы произнести тысячи разных слов. Я же издатель, причем читаю то, что издаю. Как только люди не объясняются в любви! Но все-таки лучше самых простых слов «я тебя люблю» никто ничего не придумал.

– Вы хотите объясниться в любви?

– Да, собственно, уже объяснился.

Саша со стуком закрывает ноутбук.

Звонит Варе.

Ее голос:

– Саша, я занята, перезвоню!

Саша просматривает в телефоне список контактов.

Видит: «Лена Ласкина». Решает ей позвонить.

Слышит:

– Огольцов, неужели ты? Откудова звоним? Из Каннов,
из Ниццы?

– Что делаешь?

– Есть предложения? – догадливо спрашивает Лена.

Саша в гостях у Лены Ласкиной, бывшей своей сокурсницы.

Они сидят в кухне, выпивают и беседуют по душам.

– Я уже пятый раз успешно продаю один и тот же сюжет: попоранная добродетель! – рассказывает Лена. – Провинциалка Лиза приезжает в Москву, устраивается в массажный салон, влюбляется в богатого красавца, он ее обещивает, она рождает от него ребенка, и тут он понимает, что любит ее!

В кадре: девушка Лиза в массажном салоне. Ее обещивает богатый красавец. Возможно, прямо на глазах у всех. Она рыдает. Он равнодушен. Она рождает. Красавец встречается ее у роддома с цветами. Говорит:

– Я понял, что люблю тебя.

– Или, – рассказывает Лена, – москвичка, но скромница Лиза приезжает к родственникам в провинцию, в нее влюбляется местный начальник-паучок, обещивает, она топится, ее спасают, паучок понимает, что любит ее!

61

В кадре: девушка Лиза (та же актриса) за столом в саду – с родственниками. В сад, ломая забор, въезжает на джипе начальник-паучок. Сладострастно смотрит на Лизу. Его подручные волокут Лизу к джипу. Паучок обещивает ее на берегу реки. Лиза топится. Ее спасают. Паучок в больничной палате с цветами.

– Я понял, это самое. Типа, что тебя люблю. Конкретно.

– Да, – говорит Саша. – Это точно.

– Что?

– Всё.

– А будет еще хуже! – обещает Лена. – Ты вот свой гениальный сценарий, наверно, так и не пристроил. «Молчание» который.

– «Безмолвие».

– Я помню. Роскошная идея. Все вдруг онемели и оглохли.

– Нет. Это будет искусственно, это Стивен Кинг. При всем к нему уважении – нет, не так. Просто – семья глухонемых. Переезжают в небольшой город – отец получил выгодную работу. До этого у них был свой круг общения – такие же люди. Ну и вообще, адаптировались уже давно, все к ним привыкли. А теперь все иначе. Для местных жителей они – как инопланетяне. Их не понимают. Кто-то смеется, кто-то сочувствует. Новые отношения. Любовь дочери к местному красавцу. Ну, и так далее.

– Гениально! Метафора: никто друг друга не слышит и не понимает! «Страна глухих»!

– Это было.

– Да, точно. Тогда «Страна немых».

– Нет. «Безмолвие». И дело не в том, что никто не видит и не слышит. Нечего сказать, вот в чем дело. А то, что гово-

рится, можно спокойно пропустить. Выключить звук.

– Немое кино, отлично!

– Да, там все будет через героев, а они же не слышат. Поэтому немое.

– Класс! Но про что все-таки? Помнишь, Звизяжский нас долбил этим вопросом: «Про что?».

– Все кино – про любовь. Если не про любовь – не кино.

– Изрекаешь, как Мелкиян. Но Мелкиян не так говорил, он говорил: все кино – про свободу.

– Любовь – высшая форма свободы.

– Согласна! – кивает Лена, выпивает и тут же возражает себе и Саше. – Не согласна! Какая же в любви свобода? Это, наоборот, страшная зависимость! Уж я-то знаю, поверь!

– Свобода от себя, – уточняет Саша.

Лена морщит лоб.

– Еще не поняла, но догадываюсь. Запомню, а думать об этом буду завтра. Любовь, да, ты прав. Помнишь, как я тебя любила?

– Ты всех любила.

– А тебя больше всех. Не веришь?

– Верю.

Саша едет в троллейбусе. Четверо подростков на задней площадке гогочут, переполненные бессмысленной энергией, пихают друг друга, задираются, орут матом.

Саша достает из кармана куски ваты, запихивает в уши.

Звуки исчезают.

Впереди сидит симпатичная девушка. Читает.

Саша достает телефон, пишет что-то, потом встает, идет к девушке, садится напротив и показывает ей телефон.

Там надпись:

«Извините, я немой, но очень хочется пообщаться».

Девушка смотрит подозрительно.

Саша добавляет:

«Это не шутка».

Девушка берет его телефон, пишет:

«Как вас зовут?»

«Паша», – пишет Саша.

«Очень приятно, Аня», – пишет девушка.

«Мне тоже, – пишет Саша. – Может, сходим куда-нибудь?»

«Уже поздно».

«Тогда завтра?»

«Надо подумать».

«Думайте. Даю 0,5 минуты))))»

«Я уже приехала. До свидания».

Троллейбус останавливается, девушка отдает телефон и выходит.

Саша вскакивает, идет к дверям, но не успевает – они закрылись.

Саша открывает дверь комнаты, крадется. Раздевается.

Чуть не упал, запрыгал на одной ноге. Варя открывает глаза.

Он садится на край постели.

– Почему не спрашиваешь, где я был?

– Где ты был?

– Не скажу.

– Ладно.

– Ее зовут Аня.

– Красивое имя. Ложись спать.

– Что? Я тебя не слышу. А ты меня слышишь?

– Часто пить стал, Саша, тебе не кажется?

– Я тебя не слышу!

– Не кричи.

– Я тебя не слышу! И ты меня не слышишь! Потому, что мне нечего сказать! Понимаешь?

– Понимаю.

– Как ты можешь понимать, если ты не слышишь?

За столом ужинают Нина, Иннокентий, их дочь Настя, Ирина Павловна. Они переговариваются знаками.

Тетя Таня подает и ворчит, когда ее не видят:

– Вот нанялась сдуру к глухумани! Сама немтыркой сделаешься с ними! Черт их знает, чего они там шушукаются? Может, про меня? Очень мне это приятно!

Саша сидит перед ноутбуком. В нем лицо Лики.

– Не пойдет, Саша, – говорит она. – И ты сам это знаешь.

Зачем тратить время?

За столом ужинают Нина, Иннокентий, их дочь Настя, Ирина Павловна. Тетя Таня подает и сокрушается:

– Ниночка, совсем не ешь ничего! Что с тобой?

– Влюбилась! – хихикает Настя.

– Да, – говорит Нина. – Иннокентий, ты слышишь?

– Конечно. Это хорошо.

– Что?

– Всё хорошо.

– Я влюбилась.

– Бывает.

Настя смеется, Ирина Павловна склоняется над тарелкой.

Тетя Таня приложила руки к груди.

– В чем дело? – не понимает Иннокентий.

До него, как всегда, доходит с опозданием. Он откладывает планшет. Спрашивает Ирину.

– Это такие шутки сегодня?

– Я влюбилась в мужчину старше тебя, беднее тебя, некрасивее тебя, – чеканит Нина. – Но он меня видит, а ты нет. Он меня видит! А я увидела его. И влюбилась.

– Mam, ты правда, что ли? – Настя становится серьезной. – Ты нас не пугай!

– Ты уже взрослая, Настя. Есть кто-то, кто тебе нравится больше других?

– Вообще-то да.

– Целуешься с ним?

– Нина Валентиновна! – Ирина Павловна поднимает голову: она не может не вмешаться, это серьезный воспитательный момент. – Нельзя спрашивать у детей такие вещи!

– Почему? – удивляется Настя. – Можно. Да, целовалась. Он умеет, ему пятнадцать уже. Он меня даже на секс разводил, но я дала себе слово: не раньше четырнадцати.

– Сколько интересного за один вечер! – произносит Иннокентий.

– Теперь скажи, Настя, – продолжает Нина, – кого ты терпеть не можешь из мальчиков?

– Веньку рыжего. Он наглый хам и у него из ушей воняет.

– Ты бы поцеловалась с ним?

– Даже за тыщу баксов – нет!

– Значит, ты понимаешь, что такое любовь? С одним можешь, с другим нет. Вот это со мной и произошло.

– Я не наглый хам и у меня из ушей не воняет, – Иннокентий пытается все перевести в шутку.

– Тем хуже. Мне было бы легче, если бы воняло. Короче, я устала жить так, как вам надо. Я хочу пожить так, как я хочу.

И тут не выдерживает тетя Таня.

– Да чего тебе еще не хватает, дурочка? – причитает она. – Такой дом, такой муж, такая дочка!

– Чего не хватает? Счастья!

Все застывают.

Саша смотрит в монитор.

Думает.

Пишет, бормоча:

– Иннокентий медленно встает, бросает на стол салфетку, медленно идет к лестнице, медленно поднимается.

В столовой Иннокентий встает из-за стола, бросает салфетку, идет к лестнице.

Но вдруг останавливается, поворачивается, говорит, обращаясь куда-то в сторону:

– Не может этого быть! Вот так взял и ушел?

В углу в кресле сидит Саша. Вопрос – к нему.

– Да, – говорит Саша. – Встал и ушел. Чтобы не наговорить лишнего.

– Никуда я не уйду, пока не выясню, что к чему! Ты бы ушел?

– Конечно.

– А я нет! Я другой! Я привык все проблемы решать на месте и сразу!

– Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

– Неужели? А чем я занимаюсь? Ты меня банкиром сделал, а что тебе известно о банковской работе? Что такое агрегирование? Форфейтинг? Кастодиальные услуги?

– Это несложно узнать, – Саша открывает ноутбук.

– А без своей швейной машинки ничего не можешь? Ручками, ручками? Гуглить любой дурак умеет!

– Он вообще ничего не знает! – слышится голос из другого угла.

Все поворачиваются и видят Юрия.

– Юлий, что ты здесь делаешь? – удивлена Нина.

– Мы все в одном месте – в его голове, – отвечает Юлий, он же Юрий. – Но все страшно изуродованные и полуживые. И, кстати, Юлий, Юрий – мне эти имена не нравятся. Я буду Виктор.

– Ты будешь носить то имя, какое я тебе дал! – жестко реагирует Саша.

– Виктор я! И не отвлекайся от сути. Половину серии уже написал, а что ты о нас знаешь? Я – издатель! Ты в издательстве хоть раз был?

– Я пишу про личные отношения, работа не так уж важна.

– Да все важно! – возражает Юрий-Виктор. – Все в жизни важно! И про отношения ты тоже наврал!

– Согласна, – говорит Нина. – Допустим, я влюбилась в Юлия. Или Юрия. Или Виктора. Но с какой стати? Чем он меня пленил?

– И ты туда же? – огорчается Саша. – Ты женщина, должна знать, что любовь – чувство спонтанное и необъяснимое.

– С какой стати на ты, во-первых? Мы знакомы?

– Еще как! Я с тобой почти месяц живу.

– Еще и с ним? – поворачивается к жене Иннокентий.

– Размечтался! – презрительно говорит Нина, глянув на Сашу. – Ни с кем я не живу, Кеша, кроме тебя. И вы, господин сценарист, совершенно не разбираетесь в женщинах. На самом деле любая нормальная женщина знает, за что она любит мужчину.

– Конечно! – подтверждает Настя. – Я вот точно знаю, за что своего Димыча люблю. Хотя с родителями это обсуждать не буду. Это вы, типа того, хотите современную такую пацанку, что ли, изобразить? – спрашивает она Сашу. – Продвинутую такую девушку, которая про секс прямо запросто с мамой говорит? У нас в классе таких припадочных ни одной нет!

– Дочь моей знакомой – говорит! – защищается Саша. – Я тебя с нее списал!

– Вы меня с меня списывайте, а не с чьей-то дочери!

– И меня изобразили какой-то воблой! – вступает Ирина Павловна. – Фанерная гувернантка!

– Вы не фанерная, у вас есть чувства, вы втайне любите Иннокентия.

– Да уж догадалась, куда вы клоните! Не люблю я его, у меня дома муж замечательный!

– Тогда не будет конфликта!

– Конфликт ему нужен! – встревает тетя Таня. – Порядочную женщину изменить заставил, меня рвать на две части – и за Нину переживаю, и за Иннокешу! Да еще изображаю какую-то крестьянку, а у меня, между прочим, высшее образование и три языка, просто на пенсии скучно, живу неподалеку, умею готовить, не считаю зазорным помочь приятной, вежливой семье!

– Вы живете здесь, в доме, в своей каморке, вы приехали из маленького города, скоро вас навестит дочь, и у нее с Ин-

нокентием будет роман! – объясняет Саша.

– Что, правда? – приятно удивлен Иннокентий. – И красивая девушка?

– Кеша, не наглей! – с улыбкой, но грозно, предупреждает Нина.

– Я не виноват, как автор скажет, так и будет.

– Только что ты не соглашался!

– Остынет все, кушайте! – переживает тетя Таня.

– А мой рабочий день кончился! – встает Ирина Павловна.

– А я пойду в бассейн! – говорит Настя.

И все вдруг исчезают.

Саша остается один.

Подходит к столу. Хватает что-то и жадно ест. Оглядываясь, заворачивает в салфетку и сует в карман пирожки.

Саша перед монитором. Сидит, закрыв лицо ладонями.

Принюхивается.

Открывает лицо – перед ним блюдо с пирожками.

А на голове и на плече руки Вари.

– Попробуй, – говорит она. – Пока горячие.

Саша кусает пирожок. Жует. Целует руку Вари, прижимается к ней щекой.

Саша стоит на светофоре. Смотрит на соседнюю машину. А там Нина.

Саша сигналист, машет рукой. Она смотрит, пожимает плечами. Трогается.

В плотном потоке машин Саша преследует Нину. На своей таратайке он не догнал бы ее мощный автомобиль, если бы не пробки.

Ей не нравится это преследование, она оглядывается, резко сворачивает, перестроившись из второго ряда. Саша успевает повернуть за ней, едва не столкнувшись с маршруткой.

– Ездит научис, чайник нищасни! – кричит из маршрутки водитель.

Саша продолжает погоню.

Нина останавливается возле инспектора ДПС, выскакивает, что-то говорит ему, показывая на Сашу.

Тот поднимает жезл, Саша останавливается. Инспектор подходит.

– Женщина жалуется, что вы ее преследуете.

– Она моя героиня вообще-то!

– Очень приятно, но ты – не мой герой! – говорит Нина.

Садится в машину и уезжает.

– Документы покажем! – требует инспектор.

Саша входит в кабинет, где его ждут Савчук, Мелецкий и Лика.

– Что случилось? Раньше ты не опаздывал, – упрекает Савчук.

– Пробки.

– Ну что ж, начнем.

И начинается.

– Все уже начало складываться, Саша, – говорит Савчук. – Зачем ты коверкаешь своих героев? Была понятная домработница, понятная воспитательница, а ты домработнице высшее образование присобачил. И воспитательницу любви лишил – зачем? Это было симпатично: тайно влюблена в хозяина.

– То есть – конфликт! Краска! – растолковывает Мелецкий.

– И Нина когда наконец скажет мужу о своей любви, мы же планировали взрыв? – интересуется Лика.

– Действительно! – поддерживает Савчук. – Женщина не выдерживает и все выдает прямым текстом. И по драматургии хорошо, и по жизни верно, это в ее характере.

– Вообще-то все так и было, – признается Саша. – Но герои стали сопротивляться. Я чувствую – начинается неправда. Не любит мой Юрий Нину, да и она его.

– Как это они не любят? – удивляется Мелецкий. – Все в твоих руках, Саша, надо – полюбят!

– Виктор утрирует, – считает необходимым поправить Лика. – Конечно, волюнтаризм не нужен, герои должны вести себя естественно. Но, если они друг друга не любят, о чем вообще тогда история?

– Понимаете... – Саша говорит медленно, ищет слова. – Да, ее заинтересовал этот человек. Одинокий. До сих пор любящий изменившую жену. Думающий. Интересный. Он ей близок. И она ему близка. Они становятся лучшими друзьями. Но муж-то этого не поймет, он не верит, что бывают такие отношения. И ревнует. Подозревает. Это ее оскорбляет, возможно, она на время уйдет. Но не к Виктору.

– Какому Виктору? – напрягается Савчук.

– Герою не понравилось имя Юрий. И Юлий тоже. Он хочет быть Виктором.

– Ты серьезно? – Лика смотрит на Сашу, как психиатр на пациента.

– Вполне. Над Ниной я тоже думаю. Скорее она Арина. Не знаю, почему.

– Потому что родители так назвали, – раздается голос.

Саша оглядывается и видит Нину. Она же Арина.

Все тоже смотрят в угол – там напольный кондиционер.

А потом переглядываются между собой.

Саша продолжает:

– Это что-то новенькое, согласитесь. Не адюльтер, нет, лю-

ди с высокими понятиями о чести, долге, нравственности! А вокруг те, кто этого не понимает. Кто привык расшифровывать отношения мужчины и женщины только одним ключом.

– Саш, тебе сколько лет? – поражается Мелецкий. – О нравственности говорит! Ты серьезно веришь, что между мужчиной и женщиной может быть дружба? Без секса?

– Да.

– Хватит теории, – пресекает Савчук. – На самом деле спорить не о чем. Есть утвержденная каналом заявка. Есть наши договоренности. Есть сроки. А тебя, Саша, все время тянет куда-то в сторону.

– Пожалуй, – признает Саша. – Может, я попробую продвинуться до конца серии? С учетом замечаний?

– Извини, сначала обсудим завязку, расстановку, событие начала. Первый акт.

– Хорошо.

Саша устал, Саша на все согласен.

Он выходит из кабинета вместе с Мелецким.

И говорит ему:

– Слушай, Виктор, у меня тут выплата по кредиту...

– А у меня по трем! – хвастается Мелецкий. – Дом, машина и квартира в Праге.

– Да мне немного надо.

– А мне много! Извини, Саша, я займы принципиально не даю. Особенно тем, с кем нахожусь в деловых отношениях. Тебе же будет лучше. А то начну тебе замечания делать, а

ты, вместо того чтобы поспорить, будешь соглашаться – потому что должен.

– С вами поспоришь! – замечает Саша.

– А что, мы разве давим? – удивляется Виктор.

Саша в машине.

– Что у тебя с двигателем? Бензином воняет! – слышит он голос.

Поворачивает голову: рядом с ним – Нина. То есть Арина.

– Оставь меня в покое, – говорит он.

– Это ты меня оставь. Дыхнуть не даешь, все время обо мне думаешь. Знаешь, в чем твоя проблема? Почему твой Юрий, он же Виктор, не может меня полюбить? Потому что ты меня не любишь!

– Не только не люблю, я тебя терпеть не могу!

– Это заметно. Ты ведь ничего не знаешь о моей жизни. Ты обреченный лузер. Ты вообще хоть раз был в нормальном доме? Или только издали видел, если по Рублевке проезжал?

– Везде я был!

– Мне-то не надо врать, я знаю тебя не хуже, чем ты меня. Вернее, лучше. Ладно, приглашаю в гости.

И Саша оказывается в особняке. Арина водит его по дому и показывает.

– Это гостевые спальни. Бильярдная комната. Тренажерный зал. Кабинет. Наша с Иннокентием спальня. Комната Насти. Привет, Настенька, что делаешь?

– Да так, играю, – говорит Настя, сидящая за компьютером.

Арина ведет Сашу дальше.

– Это библиотека. Это наш маленький музей – картины, фарфор. Это гостиная, столовая, кухня. Там подвал. А вот – бассейн.

Саша и Арина – в большом помещении с бассейном, с застекленной крышей.

– Знаешь, – говорит Арина, – ты в целом прав, с какой стати мне влюбляться в какого-то мелкого издателя? Что у нас общего? Но и они правы: просто дружить я с ним тоже не буду. Твой ужас в том, что я довольна своей жизнью. Мне все нравится. Я живу, как хочу. Делаю, что хочу. В отличие от тебя.

– Неправда.

– Правда. Ты вот хочешь написать свой гениальный сценарий про безмолвие. Так пиши! Ты десять лет его обдумываешь, сядь и напиши!

– А жить на что? Кредит за квартиру с чего выплачивать? Кстати, займы на недельку...

– Все ты врешь! – смеется Арина. – На жизнь ты бы как-нибудь заработал. А квартира – кто тебе велел соглашаться? Что тебе дороже – твой замысел, твоё желание делать что-то настоящее или какая-то квартира?

– Но Варя... Она ребенка хочет, а условия...

– Если женщина хочет ребенка, она его в пустыне родит! В юрте! В яранге на Северном полюсе! Могла бы помочь, могла бы тоже работать! У меня на руках была мама-инвалид и два младших братика-близняшки, я сиделкой работала, какашки из-под лежачей старушки вычищала! Там меня Иннокентий и увидел, кстати, это его двоюродная бабушка была.

– Допустим, – сердито говорит уязвленный Саша. – А сейчас у тебя что? Спа, массаж, салон красоты, бутики, машинки красивые, светские приемы, чем ты живешь?

– Жизнью я живу! От меня радость всем. В том числе мужу и дочери. И вот этого ты мне простить и не можешь – что я такая радостная, позитивная, обалденно красивая и при этом не твоя!

– Раздевайся! – приказывает Саша.

На экране крупно ремарка:

АРИНА РАЗДЕВАЕТСЯ.

– Не буду! – отказывается Арина.

Саша усмехается. На экране опять:

АРИНА РАЗДЕВАЕТСЯ.

И Арина раздевается.

А потом начинает раздевать Сашу. Жарко целует, шепчет:
– Я тебя обожаю, ты лучший, я сделаю все, что ты хочешь!

Они ложатся на краю бассейна, на откуда-то взявшуюся пушистую шкуру неведомого зверя.

Но тут раздается пронзительный звук.

Это сигналиит машина, стоящая за машиной Саши. Зажегся зеленый свет светофора, а Саша задумался.

Он встряхивает головой, трогается с места.

Ужиная, Саша говорит Варе:

– Что-то ты меня балуешь. Не только обед, но и ужин. Докатишься до того, что будешь завтраком кормить.

– Никогда. Ты встаешь в семь, а для меня это космическая перегрузка. Не раньше девяти.

– А занятий, что ли, у вас нет? Ты два дня дома.

– Трофим болеет.

– Это кто?

– Ефимов. Имя у него такое – Трофим.

– Трофим Ефимов? Если бы в сценарии, выглядело бы нарочито. А в жизни все бывает. И серьезно болеет?

– Да нет, завтра уже опять занятия.

– Варь, такое дело. Завтра выплата кредита. Можно, конечно, отсрочку попросить, как это называется...

– Реструктуризация. Плохо влияет на кредитную историю.

– Знаю. Короче, Трофим ведь мужчина при деньгах, как я понимаю...

– У него я просить не буду!

– Почему?

– Он мой преподаватель, Саша, это неудобно!

– А я у своих продюсеров прошу – мне удобно?

– Ты просил?

– Да. Не дали. У всех просил. Хоть укради. Знать бы – как.
Саша мечтательно смотрит в пространство.
Представляет.

Саша – у банка. Наблюдает. Смотрит на часы. Подъезжает инкассаторская машина. Два инкассатора выносят мешки. Саша идет мимо, ловким движением бросает небольшую петарду. Она взрывается в стороне, инкассаторы падают на землю. Саша хватается один из мешков, садится в свою машину и благополучно отъезжает.

На экране титр: *«Этот эпизод сценарист Огольцов позаимствовал из фильма “День сурка”».*

Ночь. Варя обнимает Сашу.

– Не огорчайся, что-нибудь придумаем.

– Что?

– Не знаю... Может, у Трофима, в самом деле, попросить?

Что в этом такого? Да?

– Абсолютно ничего.

– Я тебя люблю, – говорит Варя и обнимает Сашу.

И смотрит куда-то в темноту через его плечо.

В кафе – Саша с ноутбуком, за его столиком сидят столиком Арина и Виктор.

Саша пишет и пьет чай, а они говорят. Очень быстро и формально.

– Я сама не знаю, что со мной происходит, я на самом деле люблю своего мужа, люблю сына (Саша торопливо стирает, пишет заново, Арина исправляется)... люблю дочь, люблю свою жизнь, но в последнее время ощущение, будто что-то мешает, будто я пытаюсь что-то вспомнить, или нет, так в детстве у меня было, я любила сидеть за столом с родителями и слушать, ничего не понимала, но мне казалось – еще немного, и я пойму.

Саша бормочет:

– Про детство не надо, все равно выкинут, скажут – много слов.

Стучит клавишами.

Арина механически повторяет:

– ...будто я пытаюсь что-то вспомнить. Точка.

– Я тоже, – говорит Виктор. – Я думал, что после того, что было, после этого разрыва, со мной уже не произойдет ничего непредвиденного, я не захочу такой боли, такого мучения...

– Бла-бла-бла, бла-бла, бла-бла, – говорит Саша.

– Бла-бла-бла, бла-бла, бла-бла, – послушно повторяет

Виктор.

Саша отправляет файл по электронной почте.

Ждет. Виктор и Арина абсолютно неподвижны.

Подходит официантка:

– Решили, что заказать?

– Да. Еще чаю.

– А вы? – спрашивает официантка Виктора и Арину.

– Это не люди, это персонажи, – говорит Саша.

– А как живые.

– Спасибо.

Официантка уходит. Виктор, не ворочая шеей, скашивает глаза.

– Я бы тоже чайку выпил. Или кофе.

– Обойдешься, – отрезает Саша. – Сначала заработай, объяснись в любви по-человечески, будет тебе и кофэ, и какава с чаем!

Титр: *«Цитата из фильма “Бриллиантовая рука”».*

Звонок телефона, Саша берет трубку. Это звонит Лика.

– В принципе все нормально, но я бы на обсуждение выносить пока не стала. И опять у тебя кафе. У тебя то и дело едят и говорят, Саша.

– Во всех сериалах все то и дело едят и говорят. Сами же просите такие объекты – кафе, ресторан. Я могу и в электричку засунуть.

– А что, интересно! Попробуй.

Вагон электрички.

Саша идет с ноутбуком, который прикреплен ремешком, перекинутым через шею, и стучит по клавишам. Ловко, громко, с музыкальным сопровождением. Это напоминает вступительную партию на барабанах в композиции «Распутин» группы «Бони М». Все аплодируют, кидают в сумку Саши монеты и мелкие купюры.

Он кланяется и садится на скамью, где его ждут Виктор и Арина.

– Что это было? – спрашивает Арина.

– Лирическое отступление. Начнем.

Арина поворачивается к Виктору:

– Я сама не знаю, что со мной происходит, я на самом деле люблю своего мужа, люблю дочь, люблю...

И умолкает: звонит телефон Саши.

Он берет трубку.

Голос Лики:

– Саш, я спросила – нет, электричка дорого, из-за короткой сцены возиться не стоит. Это или в депо снимать плюс массовка, или в настоящую садиться и по-настоящему ехать, морока страшная. Да и вообще, не по статусу им на электричках кататься, они обеспеченные люди!

– Хорошо. Я вспомнил одну свою идею, может пригодить-

ся: колесо обозрения. Герой договаривается со служителем, тот тормозит колесо на пять минут. И это дает возможность герою объясниться.

– Круто! Мы на колесе уже что-то снимали, по бюджету терпимо. Ты гений!

– А то!

У колеса обозрения. Виктор, отойдя от Арины, договаривается со служителем, сует ему деньги. Тот кивает.

И вот Виктор с Ариной на колесе. Поднимаются. Саша, естественно, с ними.

Колесо замирает. Остановилось.

– Что это? – похоже, Арина напугана.

– Временная поломка, – успокаивает Виктор. – Ариша, я хотел сказать...

– Постой, – перебивает Саша, – сначала она!

Но Арина молчит.

– В чем дело?

– Я боюсь высоты. И меня тошнит.

– Гениально! – кричит Саша.

И долбит по клавишам, а Виктор торопливо говорит:

– Ариша, у меня было ощущение, что я умер на время – после того, что произошло. И вдруг начал оживать. Я сейчас совсем живой – знаешь, почему? Знаешь?

Но, увы, Арина не отвечает, изо рта у нее вырывается струя. На Виктора, на Сашу, на тех, кто внизу. Возмущенные крики. Саша в восторге, подает Виктору салфетки, тот вытирает себя, Арину, Сашу. И говорит Арине успокоительно:

– Ну, что ты? Бывает! Господи, ты плачешь? Моя ты девочка!

Он обнимает Арину, прижимает к себе, гладит ее по волосам.

Саша отправляет файл.

Нетерпеливо ждет.

Арина и Виктор целуются.

– Тебе не противно? – шепчет она.

– Я тебя люблю.

– Отвернись! – приказывает Виктор Саше.

Тот пожимает плечами и отворачивается.

Звонок.

Лица:

– Саша, извини, конечно, но это ни в какие ворота. Зачем эта физиология сплошная?

– Физиология сближает. Ты не знала? Человек становится вдруг родным, как ни странно. У тебя такого не было?

– Никогда! Короче, я спросила еще раз, Альберт говорит – в кафе нормально. Неважно, где, важно – как.

– Ладно, – отвечает Саша.

И они опять в кафе.

Арина говорит без выражения:

– Я сама не знаю, что со мной происходит, я на самом деле люблю своего мужа, люблю дочь, люблю свою жизнь...

Но тут подходит официантка. Ею оказывается Лика.

– О милостивый господин, – жалобно говорит Лика, – не соблаговолите ли заказать еще чего-нибудь, я ведь живу на чаевые, а любовник, гадюка, жмот, он и так на две семьи разрывается, мне крошки достаются!

– Пошла на фиг, дура! – веско отвечает Саша.

Саша лежит с ноутбуком в постели, смотрит какой-то фильм.

Голос Саши:

– Каждый день я смотрю фильмы. Самые разные. Я смотрю их без звука. Готовлюсь к своему немому кино. И заметил: хорошие фильмы без звука становятся еще лучше, плохие же вообще невозможно смотреть. Слова их как-то защищали, заменяли настоящий смысл, а нет их – и смысла нет. Ничего нет. Но почему я так долго не могу начать свой сценарий? Может, действительно, еще сам не понял, про что? Лена подкинула неплохую идею: все тотально оглохли и онемели. Что-то случилось, пролетал какой-то метеорит, взорвался, образовалась звуковая волна, которая лишила землян речи и слуха. Все бродят, как неприкаянные.

Саша представляет: он в огромном универмаге вроде ГУ-Ма. Оглухшие и онемевшие люди по инерции пытаются что-то говорить, бестолково мечутся. Под огромным телевизором столпилась куча народа. Там беззвучный диктор с одобряющие улыбкой и ползущие субтитры: «Соблюдайте спокойствие. Мы еще не знаем, что это было, но это обязательно пройдет!».

Голос Саши:

– Нет. Это Голливуд. Надо про людей. Вот что самое важное. Про людей, которые разучились говорить.

Арина и Виктор.

Арина смотрит так, будто хочет что-то сказать. Медлит.

А теперь Виктор смотрит так, будто что-то хочет сказать.

Медлит.

Они очень хотят что-то друг другу сказать. Но у них не получается.

Какой-то звук. Виктор и Арина оглядываются.

Это хлопнула дверь квартиры.

Саша ждет. Но Варя все не входит в комнату.

Наконец вошла. Вытирает мокрое лицо полотенцем.

– Привет.

– Привет.

Варя переодевается. Вдруг говорит:

– Не смотри, неприятно же!

– С каких пор?

– Ты так смотришь, будто наблюдаешь.

– Хорошо сказано, надо запомнить.

– Вечно ты мои слова используешь. Спросил бы, что с деньгами.

– Спрашиваю: что с деньгами?

– Все нормально. Уже перечислила в банк.

– Молодец.

– Не надо меня хвалить! – кричит Варя. – Думаешь, приятно было просить у него? Он побирушкой меня теперь считает! А я виновата, что меня собственный муж не может обеспечить?

Саша обижен. Молчит.

Варя садится на постель.

– Прости. Я знаешь что поняла? Что художница я, может, не великая, но хоть какая-то. А дизайнерша – никакая. Мне

это неинтересно. Оформлять чужое жилье я не хочу. И не умею. И не буду.

Варя плачет.

– Из-за этого так переживать? – удивляется Саша.

– В самом деле, – Варя улыбается. – Вычеркни, забудь.

Арина и Саша в кафе.

– Опять кафе, – говорит Арина. – И что я тут делаю?

– Просто зашла кофе выпить. И сюда же зайдет Виктор. С другой женщиной. И ты вдруг поймешь, что ревнуешь. Так бывает, женщина, да и мужчина тоже, по-настоящему понимает свое отношение к другому человеку, когда видит его с кем-то.

– Разбираешься в психологии, надо же.

– По сценарию разве не заметно?

– Не всегда. А если я не ревную?

– Тогда не будет истории. Ревнуешь.

Но вместо Виктора входит Варя. С Трофимом Ефимовым.

Они проходят в зал, довольно далеко от столика Саши, садятся. Варя – спиной к Саше.

– Ты чего это? – спрашивает Арина, заметив, как напрягся Саша.

– Это моя жена.

Арина оглядывается. В это время Варя повернулась, ища взглядом официантку. Саша тут же пригнулся. Арина говорит:

– Миленькая. С кем это она?

– Не знаю. Это ее Трофим. Я его один раз видел. Мужчина запоминающийся.

– Ее Трофим? В каком смысле – ее Трофим?

Саша встает.

– Ты что собираешься сделать? – тревожится Арина.

– Ничего, просто подойду к ним. Это ведь неестественно

– увидеть свою жену и не подойти.

– Ты хочешь понять, что у них? По их виду?

– Нет. Да и не так просто это понять.

– Если любишь – просто. Сразу все почувствуешь. Твое дело, конечно, но иногда лучше ничего не знать.

– А я хочу знать! Ты бы вытерпела?

– Нет, конечно. Но я девочка, а ты мальчик. Будь мужественным.

– Буду.

Пообещав это, Саша идет к столику Вари и Трофима.

– Здравствуйте! – говорит весело. Слишком весело.

Варя явно растеряна. А опытный Ефимов вежливо кивает, сохраняя спокойствие.

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает Варя.

– Странный вопрос. А ты? Я зашел кофе выпить.

– И мы зашли.

– У него что, негде жить? Где вы тогда встречаетесь?

– Вы напрасно... – произносит Ефимов.

– С ума сошел? – спрашивает Варя.

– Сошел, и давно! – раздается сзади.

Там сидит неизвестно когда переместившаяся Арина.

– Я вас очень прошу! – с нажимом, четко выговаривая

каждое слово, говорит Саша. – Я вас очень прошу не врать мне. Я все равно увижу. Вы... как это называется...

– Спите друг с другом, – подсказывает Арина.

– Любите друг друга! – предлагает романтический вариант официантка, проходя мимо.

– Трахаетесь! – подает кто-то реплику из зала.

– Кувыркаетесь!

– Вступили в половую связь!

Саша наконец выговаривает:

– Вы... У вас что-то есть?

– Послушайте, если два человека зашли выпить кофе... – начинает Ефимов, но Варя его перебивает:

– Да, что-то есть. Рассказать, что именно?

– Не надо.

Саша возвращается к своему столику.

Через некоторое время Варя и Ефимов уходят, не глядя на него.

– Чудак ты, чудак... – вздыхает Арина.

– Помолчи.

Саша пьет чай. Отодвигает чашку. Открывает ноутбук.

Стучит по клавишам.

Входит Виктор с красивой женщиной. Они садятся за столик.

– Пошла, – говорит Саша.

– Не хочу, – противится Арина.

– Пошла, я сказал!

Арина встает и неохотно идет к Виктору и женщине.
– Отличный эпизод! – слышится чей-то голос.

Это говорит Савчук.

Мелецкий и Лика кивают.

Саша кисло улыбается.

– Женщина видит мужчину с другой и понимает, как она к нему относится, это и по жизни правильно, и по кино эффектно, – продолжает нахваливать Савчук. – Ты, Саша, будто и не рад. Тебе говорят приятные вещи, а ты что, недоволен?

– Я доволен. Просто удивляюсь, что в жизни и в сериале могут быть совпадения.

– На то и талант, чтобы они были! – поднимает палец Мелецкий.

– И никаких колес обозрения, никакой блевотины, – говорит Лика, с одной стороны, как бы тоже хваля, а с другой – ненавязчиво напоминая о Сашиних косяках. Держит в тонусе – опытный редактор!

– Но финал провальный! – говорит Савчук.

– Это да, – говорит Мелецкий.

– К сожалению, – говорит Лика.

– Если Виктор признается, что у него с посторонней женщиной отношения, сюжет опять сворачивает куда-то в сторону. Никаких отношений нет! – диктует Савчук. – Просто женщина должна сработать, как, – он щелкает пальцами,

вспоминая слово. – Ну, в химических реакциях...

– Катализатор? – пробует угадать Лика, учившаяся в школе в двадцать первом веке и скачивавшая, как все, рефераты из интернета.

– Нет!

– Лакмусовая бумажка, – вспоминает Мелецкий, успешный поучиться в старинной советской или постсоветской школе, поэтому имеющий более глубокие познания по всем предметам.

– Да! Как лакмусовая бумажка – проявляет настоящие отношения! И начинается любовь!

– А женщина? – спрашивает Саша.

– Какая женщина?

– Та, с которой пришел Виктор. Может, это его жена, которая вернулась и его любит?

– В заявке этого нет, – тут же реагирует Лика.

– Ну и что? Если бы Лев Толстой написал в заявке, что Анна Каренина и Вронский будут жить счастливо и умрут в один день, а потом понял бы, что по логике она должна погибнуть, вы бы ему текст завернули?

– А что, я бы завернула, – улыбается непробиваемая Лика.

– А я бы нет, – возражает Мелецкий. – Под колеса – это как раз то, что надо.

– Мы тут не про Толстого, – напоминает Савчук. – Если бы эта бывшая жена давала новый интересный поворот – черт с ней! Но она убивает сюжет!

– Я просто понял, – задумчиво говорит Саша, – что никогда такого не бывает, чтобы чья-то любовь по кому-то не ударила.

– Она и ударяет. По ее мужу, – говорит Савчук. – Короче, Саша, финал эпизода: герой и героиня понимают свои отношения. Первая настоящая искра настоящей любви. И пишем дальше, можем еще успеть.

– Нет, – говорит Саша. – Я не смогу. Альберт Григорьевич, я больше вообще не хочу этим заниматься. Эти вымышленные герои и вымышленные отношения – они съедают мой мозг. Они съедают мою жизнь. Я хочу думать о настоящем, о своем, о том, что мне интересно.

Мелецкий говорит с неожиданной дипломатичностью (когда надо – умеет), с теплотой, с человечинкой:

– Саша, это и есть настоящее, твое, мы же видим! Ты просто немного устал.

Но Савчука интересует деловая сторона вопроса.

– Ты хочешь сойти с проекта? Отказаться? – прямо спрашивает он.

– Да. Я ненавижу этот сериал уже в начале, что же будет дальше? Я ненавижу этих героев.

– Которых вы сами и предложили! – делает выпад Лика.

– Мало ли. Голова большая, в нее чего только не влетает. То и плохо, Лика, – говорит Саша девушке с такой доверительностью, что глаза ее становятся напряженными – словно пьяный мужик в метро говорит ей комплименты и навязы-

вает знакомство. Впрочем, она в метро давно не ездит. Кто-то ей машинку купил. – То и плохо, – говорит Саша, – что лезут именно эти герои. А настоящие уже тут, – он стучит себя по голове, – не выживают. Им там пусто и холодно. Они не хотят жить там, где нужно все время помнить про защиту от дурака. Жить и оглядываться на продюсеров, редакторов, формат, рейтинги! Они не хотят, чтобы им постоянно затыкали рот: длинный диалог, много слов, короче, короче, короче, это ты, Витя, все время мне тарабанишь: много слов – не кино! – будто ты и в самом деле понимаешь, что такое кино! Да блин, когда до тебя дойдет, что не бывает длинных и коротких диалогов, есть плохие, а есть хорошие! Независимо от размера! – Саша говорит вдохновенно, будто излагает свое кредо, забыв, что он-то как раз мечтает создать кино без диалогов и вообще без слов.

Мелецкий приятно улыбается, его это ничуть не задевает. Он и не такое видел и слышал от авторов.

– Все понимаю, – говорит Савчук, на самом деле не понимая и не собираясь понимать. – Но у нас договор. У тебя обязательства.

– Нет, Альберт Григорьевич, у нас договор только на заявку, я ее написал, ее приняли.

– В самом деле? – обращается Савчук к Мелецкому.

– Мы сами решили, что будем составлять поэтапные договоры, а не на всё сразу. Подстраховались.

– Да уж, подстраховались! И он подстраховался. И догово-

ра нет, и денег не платили, имеет полное право не работать!

– А не надо жадничать! – не удерживается Саша от мстительной реплики.

Но произносит ее не злорадно, а легко и весело. И даже словно жалея своих оплошавших деловых партнеров.

– Учти, Саша, – холодно говорит Савчук, – это чревато последствиями. Ты можешь больше не получить работу. Наш мир тесен, твоя слава автора, который бросает проекты, разлетится быстро. Рискнешь выпасть из процесса – навсегда. Понимаешь?

– Я только об этом и мечтаю, – отвечает Саша. – Выпасть из процесса.

Выйдя на улицу, он громко говорит, пугая прохожих:

– Свободен наконец! Свободен наконец! Слава тебе, Боже, я свободен наконец!

(Титр: «Надпись на надгробии Мартина Лютера Кинга».)

Саша едет в машине.

У него видения.

Ефимов показывает Варю интерьер какого-то особняка. Заводит в спальню. Просит оценить кровать. Варя кивает: да, кровать хороша. Ефимов обнимает ее, целует, укладывает, начинает раздевать...

Ефимов привозит Варю к причалу на роскошном автомобиле. Она вступает на борт роскошной яхты. Ефимов показывает ей роскошную каюту. Обнимает, целует, начинает раздевать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.